

Перевод Инны Бернштейн

На двери комнаты девяносто шестьдесят второй значилось золотыми буквами по матовому стеклу: «Роббинс и Хартли, брокеры». Был уже шестой час, служащие разошлись, и гулко топая, точно табун могучих першеронов, в двадцатизэтажное, под облака, офисное здание ворвалась армия женщин-уборщиц. Через полуоткрытые окна просачивался докрасна раскаленный городской воздух, приправленный лимонной корочкой, угольным дымком и запахом вагонной смазки.

Роббинс, раздобревший пятидесятилетний модник, страстный любитель театральных премьер и светских раутов, притворился, будто завидует загородному жилью своего компаньона.

— Влажность воздуха сегодня невыносима. Хорошо вам, кто живет на природе, — сказал он. — Луна, кузнечики стрекочут и все такое, а ты сидишь себе на работе и потягиваешь прохладительные напитки.

Хартли, серьезный худой и нервный красивый молодой человек двадцати девяти лет, вздохнул и слегка нахмурился.

— Да, — отозвался он. — У нас во Флоралхерсте вечера всегда прохладные, особенно зимой.

Открылась дверь, с таинственным видом вошел третий человек и направился прямо к Хартли.

— Я выяснил, где она живет, — объявил он тем торжественным полупрошептом, по которому в любом сборище всегда можно узнать сыщика при исполнении обязанностей.

Хартли сделал большие глаза в знак того, чтобы тот немедленно замолчал и не выдавал секрета, однако Роббинс уже взял трость, лобовно прицелился, воткнул в галстук булавку и, вальяжно кивнув на прощание, устремился навстречу столь личным развлечениям.

— Вот адрес, — детектив сказал это нормальным голосом, поскольку больше не надо было играть на публику.

Хартли взял у него из рук листок, вырванный из замусоленного блокнота. На листке карандашом было начертано: «Вивьен Арлингтон, 341, Восточная улица — для передачи через миссис Маккомус».

— Въехала на прошлой неделе, — сообщил детектив. — Теперь, если желаете установить слежку, мистер Хартли, я могу это сделать не хуже прочих в нашем городе и всего за семь долларов в сутки плюс издержки. И с представлением ежедневных отчетов...

— Можете не продолжать, — оборвал его брокер. — Не тот случай. Мне просто нужен был адрес. Сколько я вам должен?

— День работы, — прикинул сыщик. — Десятки довольно будет.

Хартли расплатился и проводил гостя. Затем и сам покинул контору и сел в трамвай, идущий по Бродвею. На первом крупном перекрестке он пересел в другой, пересекающий город в восточном направлении, и на нем доехал до старой улицы, где вдоль тротуаров кое-где еще стояли обветшалые особняки, в которых некогда обитала слава и гордость города Нью-Йорка.

Хартли прошел несколько кварталов и отыскал нужный номер. Дом № 341 оказался новым многоквартирным зданием, над его жалким порталом было выбито в камне претенциозное название: «Валламброза», а по фасаду шла зигзагом пожарная лестница, заставленная всевозможным домашним скарбом. Здесь на веревках сохло белье, под ним орали ребятишки, которых выманил из квартир летний зной, там и сям выглядывали бледно-зеленые резиновые побеги, принадлежавшие неведомо к какому миру: растительному, животному или искусственному.

Хартли нажал кнопку звонка против фамилии Маккомус. Дверной засов неуверенно, с перебоями забрякал, то гостеприимно, то с опаской, словно сомневаясь, кто там, друг или судебный исполнитель? Хартли вошел и стал наобум подниматься по лестнице с этажа на

этаж, как делают все, кто приходит в гости в многоквартирный дом, и как поступают мальчишки, карабкаясь на яблоню, — подтянутся, осмотрятся и лезут выше, пока не доберутся до желанной добычи.

И действительно на пятом этаже в открытых дверях он увидел Вивьену. Она кивком и сердечной улыбкой пригласила его войти. В квартире она усадила его в кресло у окна, а сама грациозно присела на краешек одного из тех двуликих предметов мебели, которые днем, таинственно прикрытые, представляют собой неизвестно что, а ночью превращаются в инквизиторскую дыбу.

Хартли бросил на нее быстрый оценивающий взгляд и удостоверился, что выбор его безошибочен. Вивьене был двадцать один год. Внешность у нее была чисто саксонская: аккуратно причесанные волосы — светлые, с рыжиной, каждая золотая нить отсвечивает

на белой блузке и темная юбка — хитрый камуфляж, излюбленный и наивными простушками, и знатными герцогинями.

— Вивьена, — сказал Хартли, глядя на нее с мольбой, — вы не ответили на мое последнее письмо. У меня ушла целая неделя на то, чтобы разыскать, куда вы перебрались. Зачем вы держали меня в неопределенности, вы же знали, с каким нетерпением я жду возможности видеть вас и услышать, что вы мне скажете!

Девушка задумчиво смотрела в окно.

— Мистер Хартли, — поколебавшись, промолвила она. — Я не знаю, что вам ответить.

Я понимаю все преимущества вашего предложения, и временами мне определенно кажется, что жизнь с вами мне вполне подходит. Но все-таки я не уверена. Я по рождению городская девушка, и мне боязно навсегда обречь себя на тихое загородное существование.

не расклетесь. Такого дома, как у меня, вам больше никто не предоставит.

Девушка вздохнула и опустила глаза на свои сложенные на коленях руки.

А Хартли вдруг пронзила ревнивая мысль.

— Скажите, Вивьена, — пристально вглядываясь в нее, спросил он, — нет ли кого другого? Может, есть кто-то еще?

Ее матовые щеки и шею медленно залила розовая краска.

— Вы не должны были этого спрашивать, мистер Хартли, — сказала она смущенно. — Но я вам отвечу. Да, есть еще один... но у него нет никаких прав... я ему ничего не обещала.

— Его имя? — грозно спросил Хартли.

— Таунсенд.

— Рафффорд Таунсенд! — воскликнул Хартли, и желваки заиграли у него на скулах. — Когда это он с вами познакомился? После всего, что я для него сделал...

глей. Или хочешь, чтобы стая тебя растерзала? Добыча — моя.

— Я иду переговорить с водопроводчиком, у меня в ванной комнате засор, — не сдался храбрый Таунсенд.

— Смотри, тебе на том свете прилепят ярлык «лун» прямо на твою предательскую душонку, — сказал Хартли. — Давай двигай отсюда.

Таунсенд повернулся и затопал вниз, оставив в воздухе горькое слово, и сквозняк донес его доверху со дна лестничного колодца. А Хартли возвратился и снова принялся обхаживать прекрасную даму.

— Вивьена, — скомандовал он, — вы должны согласиться. Я не приму больше никаких отказов и проводочек.

— И когда же? — трепетно спросила она.

— Немедленно. Как только соберете вещи.

Стоя против него, Вивьена твердо взглянула ему в глаза.

— Неужели вы хоть на минуту могли предположить, что я войду в ваш дом, пока в нем находится Элоиза?

Хартли отшатнулся, словно вдруг получил удар под дых. Он обхватил себя за плечи и два раза прошелся по ковру.

— Она уедет, — мрачно объявил он. На лбу у него выступили капли пота. — Почему я должен терпеть, чтобы эта женщина превращала мою жизнь в каторгу? Сколько лет она со мной, и ни одного дня не обходилось без неприятностей. Вы правы, Вивьена, Элоиза должна уехать, прежде чем вы поселитесь в моем доме. Она уедет, я это твердо решил. Я выгоню ее вон.

— И когда это будет? — спросила Вивьена.

Хартли сжал зубы и нахмурил лоб.

— Сегодня же, — ответил он. — Сегодня же вечером я ее отправлю.

— Если так, то мой ответ вам — «да». Приезжайте за мной, когда захотите.

Она посмотрела ему в лицо. Взгляд ее был светел и открыт. Хартли сам себе не верил. Неужели она все-таки сдалась, сдалась так быстро, так бесповоротно?

— Дайте слово, — попросил он в волнении. — Дайте честное слово.

— Честное слово, — тихо промолвила она.

Уже в дверях он еще раз обернулся и бросил на нее ликующий взор, словно все еще не до конца уверовал в свое счастье.

— Итак, завтра, — промолвил он, воздев напоминающий палец.

— Завтра, — подтвердила она, открыто и доверчиво улыбаясь.

Спустя час и сорок минут Хартли сошел с поезда во Флоралхерсте. Еще десять минут энергичной ходьбы, и он приблизился к воротам красного трехэтажного загородного дома, белеющего в дальнем конце широкой, аккуратно подстриженной лужайки. Навстречу ему выбежала женщина с черными смольными косами и в белом воздушном летнем платье и обняла его так крепко, что чуть было не задушила, хотя, казалось бы, он этого совсем не заслужил.

В прихожей она предупредила:

— Мама у нас. Через полчаса за ней придет автомобиль. Я позвала ее к обеду, а никакого обеда нет.

— У меня приятная новость, — сказал Хартли. — Думал сначала подготовить тебя, но раз здесь твоя мама, можно все сразу и объявить.

Он пригнулся и прошептал что-то ей на ухо.

Его жена громко взвизгнула. Прибежала мамаша. Черноволосая молодая женщина взвизгнула еще раз. Это был радостный визг любимой и избалованной жены.

— Ах, мама! — воскликнула она вне себя от счастья. — Подумай только! У нас теперь кухаркой будет Вивьена. Да, да, та самая девушка, которая год жила в доме у Монтомери. Билли, милый, — заключила она. — Ступай прямо сейчас на кухню и рассчитай Элоизу. Она сегодня опять весь день ходит пьяная.

О.ГЕНРИ

Девушка

Впервые на русском языке «Известия» публикуют рассказ О.Генри — одного из самых популярных американских писателей — «Девушка». Автора сборников «Четыре миллиона», «Горящий светильник», «Сердце Запада», романа «Короли и капуста», наверное, можно назвать самым цитируемым писателем. Цитаты из его текстов (вроде знаменитой: «Мальчик! Хочешь прокатиться на шарабана и получить пакетик леденцов?») с детства прочно оседают в памяти, и их неспособность вытеснить ничьи словечки и максимы. Рассказ «Девушка» вошел в сборник «Самая малость», который будет опубликован издательством «БСГ-пресс» в июне.

на свой лад, образуя нежные переливы; в полной гармонии с волосами — матовое лицо и взгляд глубоких сине-зеленых глаз, исполненный поразительного покоя, словно это смотрит на мир морская сирена или фея-хранительница еще не открытого людьми горного ручья. Сложения она казалась крепкого, но в этой крепости чувствовалась грация совершенной естественности. И, однако, при такой нордической ясности и открытости в ней было что-то тропическое, весь ее облик — и томный изгиб ее плеч, и это поразительное спокойствие дышали негой и упоением и словно бы утверждали за ней право как прекраснейшему творению Природы существовать и принимать поклонение — наравне с редкостным цветком или белоснежной горлишкой среди скромных серых подруг. Наряд ее составляли скром-

— Дорогая моя! — страстно возразил ей Хартли. — Разве я не обещал вам все, что в моих силах, чего только вашей душенке угодно? Вы сможете ездить в город, когда ни пожелаете, — в театры, в магазины, в гости к знакомым. Вы же знаете, что мне можно верить, правда?

— Да, совершенно, — ответила она, глядя на него и искренне улыбаясь. — Я знаю, что вы самый добрый человек на свете, и девушка, которая примет ваше предложение, будет счастливой. Я все о вас узнала тогда в доме у Монтомери.

— Ах! — с нежным обожанием воскликнул Хартли. — Я хорошо помню, как впервые увидел вас у Монтомери. Миссис Монтомери целый вечер мне вас расхваливала, но вы лучше всякой похвалы. Никогда не забуду тот ужин. Ну же, Вивьена, соглашайтесь. Вы мне нужны. Вы

— Вон он как раз подъехал на авто, — сообщила девушка, высунувшись из окна. — Приехал за ответом! Ах, я просто не знаю, как мне быть.

В кухне затренькал звонок. Вивьена торопливо нажала кнопку замка у парадной двери.

— Оставайтесь здесь, — распорядился Хартли. — Я встречу его на лестнице.

Снизу через три ступеньки взбежал Таунсенд в светлом костюме, белой панаме и при черных усах колымаи — ну прямо испанский гранд. При виде Хартли он остановился и захолопал глазами.

— Поворачивай обратно, — приказал ему Хартли, властным жестом указывая вниз.

— Кого я вижу! — прикидываясь удивленным, воскликнул Таунсенд. — А в чем дело? Что ты тут делаешь, старина?

— Спускайся, — неумолимо повторил Хартли. — Закон джун-

О.Генри (настоящее имя Уильям Сидни Портер) родился в Северной Каролине 11 сентября 1862 года. В пятнадцать лет он бросил школу и перебрался в Техас. Работал конюхом на ранчо, продавцом. В 1894-м Портер становится редактором-издателем юмористического еженедельника, в котором публикует свои первые литературные опыты. Работая кассиром-бухгалтером в банке, он был обвинен в растрате, погודה скрывался от суда в Гондурасе. Год спустя Портер вернулся в США, был осужден и три года провел в

тюрьме штата Огайо. Там он писал рассказы, которые подписывал всевозможными псевдонимами. Самым «живучим» из этих псевдонимов оказался «О.Генри». В 1901 году писатель вышел на свободу и вскоре осел в Нью-Йорке. Этот город стал для него «вторым домом», там вышли все сборники его рассказов и повестей, начиная с «Королей и капуста» (1904) и «Четырех миллионов» (1896). Всего при жизни О.Генри опубликовал десять сборников; посмертно были выпущены еще три книги. Писатель умер 5 июня 1910-го.

